

Дж.Э. Мур

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СУЩЕСТВОВАНИЕ ПРЕДИКАТОМ?¹

Мне не совсем ясно значение данного вопроса. М-р Нил говорит, что существование не является предикатом. Но что он подразумевает под словами «Существование не является предикатом»?

Во втором параграфе он говорит, что слово «предикат» имеет два различных смысла: логический и грамматический. Если это так, тогда слова «Существование не является предикатом» могут иметь два различных смысла, в зависимости от того, каким образом в логическом или грамматическом смысле использует слово «предикат» употребляющий их человек. Я думаю, ясно, он подразумевает, что мы понимаем, что в своём высказывании «Существование не является предикатом», он использует «предикат» в логическом, а не в грамматическом смысле. Я думаю, его точка зрения состоит в том, что если некто должен сказать «Существование является предикатом», используя «предикат» в грамматическом смысле, то он будет совершенно прав. Я думаю, он считает, что в грамматическом смысле существование действительно является предикатом. Но, считает он так или же нет, я думаю, ясно, что он не желает обсуждать вопрос о том, является ли существование предикатом в грамматическом смысле, а лишь вопрос о том, является ли оно таковым в логическом смысле.

Я думаю, стоит отметить, что если мы утверждаем «Существование является предикатом», используя «предикат» в грамматическом смысле, то наша пропозиция – это пропозиция об определенных *словах* в том смысле, что они часто используются определенным способом, но, как это ни странно, это – пропозиция не о самом слове «существование». Это – пропозиция о том, что слово «существует» и другие формы глагола «существовать», такие как «существовал», «будет существовать» или «существуют», часто являются (в некотором грамматическом смысле) предикатами предложений, в которых они встречаются. Но никто не имеет в виду, что само слово «существование» часто является предикатом содержащих его предложений. Я думаю, м-р Нил предполагает, что сходным образом пропозиция, которую выражают, утверждая, что «Существование является предикатом», используя «предикат» в логическом смысле, опять-таки эквивалентна пропозиции не о самом слове «существование», но о слове «существует» и других формах глагола «существовать». Он подразумевает, что фраза «Существование является предикатом» при таком употреблении «предикат» эквивалентна пропозиции о том, что слово «существует» и другие формы этого глагола часто *обозначают* предикат в логическом смысле. Таким образом, представляется, что одно различие между двумя разными значениями фразы «Существование

¹ Перевод В.Е. Мельникова под редакцией В.А. Суровцева.

является предикатом» состоит в следующем. А именно, если человек, говорящий эти слова, использует «предикат» в грамматическом смысле, он не говорит, что слова «существует» и т.п. как-либо «обозначают предикат в логическом смысле», но, используя «предикат» в логическом смысле, он говорит, что они (по крайней мере, часто) «обозначают предикат в логическом смысле». Сам м-р Нил под фразой «Существование не является предикатом» явно подразумевает некоторую пропозицию, которую он выразил бы, говоря: «Слова “существует” и т.п. никогда не обозначают предикат в логическом смысле».

Мне всё-таки остаётся неясным, что же имеется в виду, когда об отдельном слове (или отдельной фразе) в отдельном предложении говорится, что оно «обозначает предикат в логическом смысле». Не ясным, следовательно, остаётся и то, что имеется в виду, когда о другом отдельном слове в другом отдельном предложении говорится, что оно «не обозначает предикат в логическом смысле». Фактически м-р Нил говорит нам, что «предикат в логическом смысле» есть то же самое, что и «атрибут». Но, хотя я и думаю, что значение слова «атрибут», возможно, несколько более ясно, чем значение фразы «предикат в логическом смысле», все это кажется мне ещё далеко не ясным. Я ясно не понимаю, что он подразумевал бы, говоря, что «существует» и т.д. «не обозначают атрибуты». Но из приводимых им примеров, я думаю, ясно, что он сказал бы, что в предложении «Это является красным» слово «красное» или фраза «является красным» (я не уверен, что именно) действительно «обозначает атрибут». Точно таким же образом слова «рычат» и «рычит» обозначают в предложениях «Дрессированные тигры рычат» и «Раджа рычит». Таким образом, между способом, которым слова «существует» и т.п. используются в содержащих их предложениях, и способом, которым «является красным» (или «красный»), «рычат» и «рычит», используемым в данных предложениях, вероятно, есть некоторое различие, которое он хочет выразить, говоря, что тогда как «существует» и т.п. «не обозначают атрибуты», данные слова в этих предложениях обозначают. И если мы сможем найти, что за различия имеют место между употреблением форм глагола «существовать» и использованием «является красным», «рычат» и «рычит», возможно, мы сможем найти, в чем заключается различие, выраженное им подобным способом.

И. Я думаю, лучше начать с одного особого употребления слова «существуют», а именно с того, которое м-р Нил иллюстрирует примером «Дрессированные тигры существуют». Он явно считает, что есть некоторое очень важное различие между способом, которым «существуют» употребляется здесь, и способом, которым «рычат» употребляется в «Дрессированные тигры рычат», и что это различие не имеет силы между, например, употреблением «царапаются» в «Дрессированные тигры царапаются» и употреблением «рычат» в «Дрессированные тигры рычат». Он сказал бы, что и «царапаются», и «рычат» «обозначают атрибуты», тогда как «существуют» – нет. Он также сказал бы, что «Дрессированные тигры существуют» – это пропозиция с *формой*, иной, нежели «Дрессированные тигры рычат». В то же время, я думаю, он сказал бы, что «Дрессированные тигры рычат» и «Дрессирован-

ные тигры царапаются» имеют одну и ту же форму. Какого рода различие между «Дрессированные тигры существуют» и «Дрессированные тигры рычат» он мог бы иметь в виду?

(1) То, что различие между способами, которые мы используем «существуют» в первом предложении и «рычат» во втором (различие иного рода, нежели различие между нашим употреблением «царапаются» и «рычат» в двух предложениях «Дрессированные тигры царапаются» и «Дрессированные тигры рычат»), существует, я полагаю, может быть выявлено следующим образом.

Предложение «Дрессированные тигры рычат» кажется мне двусмысленным. Насколько я могу видеть, оно могло бы означать «Все дрессированные тигры рычат», «Многие дрессированные тигры рычат» или «Некоторые дрессированные тигры рычат». Каждое из этих трех предложений имеет ясное значение, и значение каждого из них явно отличается от значения любого из двух других. Однако относительно каждого из них верно то, что пропозиция, которую они выражают, не может быть истиной, если некоторые дрессированные тигры не рычат. Следовательно, я думаю, что об «Дрессированные тигры рычат», в каком бы смысле оно не употреблялось, мы можем сказать, что оно подразумевает то, что не может быть истинным, если некоторые дрессированные тигры не рычат. Сходным образом, я думаю, ясно, что «Дрессированные тигры существуют» подразумевает нечто такое, что не может быть истинным, если некоторые дрессированные тигры не существуют. Но я не считаю, что есть какая-то двусмысленность в «Дрессированные тигры существуют», соответствующая той, на которую я указывал в «Дрессированные тигры рычат». Насколько я могу судить, «Дрессированные тигры существуют» и «Некоторые дрессированные тигры существуют» – это просто два разных способа выразить одну и ту же пропозицию. Другими словами, не верно, что «Дрессированные тигры существуют» может означать «Все дрессированные тигры существуют» или «Большинство дрессированных тигров существует», а не просто – «Некоторые дрессированные тигры существуют». Оно всегда означает «Некоторые дрессированные тигры существуют», и ничего более. Я сказал, что оно никогда не употребляется для того, чтобы подразумевать «Все дрессированные тигры существуют» или «Большинство дрессированных тигров существует». Но я надеюсь, что относительно этой пропозиции у всех возникает странное впечатление. Оно, по-видимому, влечёт, что «Все дрессированные тигры существуют» и «Большинство дрессированных тигров существует» имеют ясное значение, так же как его имеют «Все дрессированные тигры рычат» и «Большинство дрессированных тигров рычат». И то, что для выражения любого из этих двух значений вместо «Некоторые дрессированные тигры существуют» мы не всегда используем «Дрессированные тигры существуют», хотя вместо «Некоторые дрессированные тигры рычат» мы действительно иногда используем «Дрессированные тигры рычат», чтобы выразить «Все дрессированные тигры рычат» или «Большинство дрессированных тигров рычат», – это просто недоразумение. Но так ли это на самом деле? Имеют ли «Все дрессированные тигры существуют» и «Большинство дрессированных тигров существует»

какое-либо значение вообще? Конечно, они не имеют ясного значения, как его имеют «Все дрессированные тигры рычат» и «Большинство дрессированных тигров рычат». Они – загадочные выражения, которые, несомненно, не заключают в себе собственного значения, если таковое есть вообще. На то, что это так, я думаю, указывает то, что есть некое важное различие между употреблением интересующего нас «существуют» и употреблением таких слов, как «рычат» или «царапаются»; но это не проясняет как раз того, в чем заключается это различие.

Я думаю, что это различие можно прояснить, сравнивая выражения «Некоторые дрессированные тигры не рычат», и «Некоторые дрессированные тигры не существуют». Первое из них, независимо от того, истинно оно или же ложно, имеет совершенно ясное значение – значение столь же ясное, как значение «Некоторые дрессированные тигры действительно рычат». И совершенно ясно, что обе эти пропозиции могут быть вместе истинными. Но с «Некоторые дрессированные тигры не существуют» дело обстоит иначе. Фраза «Некоторые дрессированные тигры существуют» имеет совершенно ясное значение, она просто означает, что «Есть некоторые дрессированные тигры». Но значение фразы «Некоторые дрессированные тигры не существуют», если таковое вообще имеется, конечно, не столь ясно. Это – ещё одно странное и озадачивающее выражение. Имеет оно вообще какое-либо значение? И если да, то какое? Казалось бы, если оно у него есть, это выражение должно подразумевать то же самое, что и выражение: «Есть некоторые дрессированные тигры, которые не существуют». Но имеет ли *это* какое-либо значение? И если да, то какое? Возможно ли, чтобы были какие-то дрессированные тигры, которые не существуют? Я думаю, ответ заключается в том, что если в предложении «Некоторые дрессированные тигры не существуют» вы употребляете «существуют» в том же значении, что и в «Некоторые дрессированные тигры существуют», то первое предложение в целом вообще не имеет никакого значения, оно является чистой бессмыслицей. Конечно, фразе «Некоторые дрессированные тигры не существуют» можно придать значение; но это может быть сделано, только если употреблять «существуют» способом, отличным от того, которым оно употребляется в «Некоторые дрессированные тигры существуют». Если это так, отсюда будет следовать, что «Все дрессированные тигры существуют» и «Большинство дрессированных тигров существует» также вообще не имеют никакого значения, если вы используете «существуют» в интересующем нас смысле. Ибо «Все дрессированные тигры рычат» эквивалентно конъюнкции «Некоторые дрессированные тигры рычат, и не существует дрессированного тигра, который не рычит». И это имеет значение, поскольку его имеет фраза «Существует по крайней мере один дрессированный тигр, который не рычит». Следовательно, если фраза «Существует по крайней мере один дрессированный тигр, который не существует» не имеет смысла, то отсюда будет следовать, что его не имеет и фраза «Все дрессированные тигры существуют», поскольку фраза «Не существует дрессированного тигра, который не существует» не будет иметь смысла, если его не будет иметь фраза «Существует дрессированный тигр, который не существует». Сходным образом «Большинство

дрессированных тигров рычаг» эквивалентно конъюнкции «Некоторые дрессированные тигры рычаг, и число тех (если таковые имеются), которые не рычаг, меньше числа тех, которые рычаг». Последнее высказывание имеет смысл только постольку, поскольку его имеет «Существуют дрессированные тигры, которые не рычаг». Таким образом, если «Существуют дрессированные тигры, которые не существуют» не имеет никакого значения, отсюда будет следовать, что его не будет иметь и «Большинство дрессированных тигров существуют». Поэтому, я думаю, мы можем сказать, что одно важное различие между употреблением «рычаг» в «Некоторые дрессированные тигры рычаг» и употреблением «существуют» в «Некоторые дрессированные тигры существуют» заключается в том, что если в первом случае мы вставляем «не» до «рычаг», не изменяя значение слова «рычаг», мы получаем предложение, которое является осмысленным, тогда как если во втором случае мы вставляем «не» перед «существуют», не изменяя значения «существуют», то мы получаем предложение, которое вообще не имеет значения. Я думаю, мы также можем сказать, что этот факт объясняет, почему с заданным значением «рычаг» фразы «Все дрессированные тигры рычаг» и «Большинство дрессированных тигров рычаг» обе являются осмысленными, тогда как при заданном значении «существуют» фразы «Все дрессированные тигры существуют» и «Большинство дрессированных тигров существуют» совершенно лишены значения. И если под высказыванием, что «рычаг» при таком употреблении «обозначает атрибут», тогда как «существуют» при таком употреблении – нет, подразумевают, что между ними есть различие, то я должен согласиться, что слово «существуют» при таком употреблении «не обозначает атрибут».

Но действительно ли верно, что если в предложении «Некоторые дрессированные тигры существуют» мы вставим «не» перед «существуют» без изменения значения «существуют», то получим предложение, которое вообще не имеет смысла? Я признал, что можно придать значение «Некоторые дрессированные тигры не существуют». Возможно, некоторые могут настаивать, что значение, которое «существуют» имеет в этом предложении, когда оно осмысленно, точно такое же, как и значение, которое оно имеет в «Некоторые дрессированные тигры существуют». Я не могу показать обратное настолько ясно, насколько мне хотелось бы это сделать, но сделаю все возможное.

Значение, которым иногда обладает выражение вида «Некоторые дрессированные тигры не существуют», – это значение, в котором оно употребляется для обозначения того же самого, что и «Некоторые дрессированные тигры являются воображаемыми» или «Некоторые дрессированные тигры не являются реальными тиграми». То, что фраза «Некоторые дрессированные тигры являются воображаемыми» может действительно выражать пропозицию, истинную или ложную, думаю, отрицать нельзя. Если, например, были написаны два разных рассказа, каждый из которых говорит о различных воображаемых дрессированных тиграх, то отсюда будет следовать, что есть, по крайней мере, два воображаемых дрессированных тигра. И нельзя отрицать, что предложение «Два разных дрессированных тигра встречаются в сказке»

является осмысленным, хотя у меня нет ни малейшего представления, является ли то, что оно подразумевает, истинным или ложным. Я знаю, что, по крайней мере, один единорог встречается в сказке, поскольку один единорог встречается в «Алисе в Зазеркалье», и отсюда следует, что существует, по крайней мере, один воображаемый единорог и, следовательно (в некотором смысле), существует, по крайней мере, один единорог, который не существует и никогда не существовал. Опять-таки, если бы случилось так, что в данный момент два разных человека обладают галлюцинацией разных дрессированных тигров, отсюда будет следовать, что в данный момент существуют два различных воображаемых дрессированных тигра. И высказывание, что две такие галлюцинации сейчас имеют место, конечно, осмысленно, хотя оно, вполне вероятно, может быть ложным. Поэтому предложение «Существуют некоторые дрессированные тигры, которые не существуют» является осмысленным, если оно означает только то, что существуют некоторые воображаемые тигры в любом из двух смыслов, которые я попытался продемонстрировать. Но это означает только то, что или какие-то реальные люди писали рассказы о воображаемых тиграх, или они имеют или недавно имели галлюцинации дрессированных тигров, или, быть может, мечтают или мечтали об особых дрессированных тиграх. Если ничего подобного с кем-то не происходило или не происходит, то никаких воображаемых дрессированных тигров нет. Но если фраза «Некоторые дрессированные тигры не существуют» подразумевает именно это, разве не ясно, что «существуют» в этом предложении не имеет того же самого сравнительно простого значения, которое оно имело в «Некоторые дрессированные тигры существуют» или в «Дрессированные тигры не существуют»? Разве не ясно, что фраза «Некоторые дрессированные тигры не существуют», если она подразумевает только это, не относится к «Некоторые дрессированные тигры существуют» тем же самым простым способом, которым «Некоторые дрессированные тигры не рычат» относятся к «Некоторые дрессированные тигры рычат»?

(2) Я думаю, есть также и другое важное различие между такими употреблениями «существуют» и «рычат», обнаруживаемое следующим образом.

М-р Рассел говорил², что «когда мы говорим: “Некоторые люди суть греки”, это подразумевает, что пропозициональная функция “ x является человеком и греком” иногда истинна». При этом он пояснял, что под «иногда истинна» подразумевается «истинна хотя бы в одном случае». При таком объяснении того, что он подразумевает под «иногда истинна», я не думаю, что его высказывание относительно значения «Некоторые люди суть греки» вполне корректно, поскольку я считаю, что употребление множественного числа влечёт, что функция « x является человеком и греком» истинна более чем в одном случае; по крайней мере должны быть два примера. Предположим, он принимает это исправление и говорит, что «Некоторые люди суть греки», означает не то, что, строго говоря, функция « x является человеком и греком» истинна по крайней мере в одном случае, но то, что она верна, по крайней мере, в двух. Далее он вводит, что сказать о пропозициональной

² *Introduction to Mathematical Philosophy* (Allen & Unwin. London, 1919). P. 156–159.

функции, что она истинна по крайней мере в двух случаях, это то же самое, что сказать, что по крайней мере два «значения» её истинны; и он говорит, что «значения» пропозициональных функций – это пропозиции. С точки зрения этих объяснений, его взгляд заключается, по-видимому, в том, что «Некоторые люди суть греки» подразумевает, что по крайней мере две пропозиции, относящиеся к пропозициональной функции «х является человеком и греком» определенным способом, который он выражает, говоря, что они есть «значения» данной функции, являются истинными. Но я не могу представить, какие пропозиции были бы «значениями» «х является человеком и греком», кроме пропозиций следующего вида. Есть пропозиции, которые мы выражаем, указывая на (или показывая каким-то другим способом) объект, который мы видим (или воспринимаем некоторым другим способом), и произносим слова «Это есть то-то и то-то» (или эквивалентные слова в каком-то другом языке). Предположим, что пропозиции, которые были «значениями» функции «х является человеком и греком», являются пропозициями того вида, где употребляются слова «Это есть человек и грек». Тогда доктрина м-ра Рассела заключается в том, что «Некоторые люди суть греки» подразумевает, что, по крайней мере, могут быть высказаны две различные истинные пропозиции данного вида, что должно иметься, по крайней мере, два различных объекта, на которые человек мог бы указать и действительно сказать: «Это – человек и грек». Если его доктрина в этом, она мне кажется похожей на правду. Но разве не могла бы быть истинной фраза «Некоторые люди суть греки», если бы не было двух различных объектов, каждый из которых можно было увидеть, указать на него и с истинностью сказать: «Это – человек и грек»?

С этой точки зрения фраза «Некоторые дрессированные тигры рычат» подразумевает, что «х является дрессированным тигром и рычит» верна по крайней мере для двух значений. А это подразумевает, что есть по крайней мере два объекта, которые можно было бы увидеть, на которые можно было бы указать и с истинностью сказать: «Это дрессированный тигр, и он рычит». Ясно теперь, что в предложении «Это – дрессированный тигр, и он рычит», за исключением отличия, состоящего в том, что «рычит» находится в единственном числе, а «рычат» – во множественном, слово «рычит» имеет то же самое значение, что и слово «рычат» в «Некоторые дрессированные тигры рычат». Тогда мы можем сказать, что одна особенность нашего употребления «рычит» состоит в том, что если мы рассматриваем «значение» этой пропозициональной функции как состоящее в том, что «Некоторые дрессированные тигры рычат», подразумевает, что по крайней мере два её значения являются истинными, тогда единственное число слова «рычат» может быть использовано в выражении такого значения с тем же самым смыслом. И, возможно, это, в частности, и подразумевают, когда говорят, что «рычат» «обозначает атрибут». Возможно, это подразумевает, что указание на объект, который вы видите, и произнесение слов «Этот объект рычит» являются осмысленными, что слова и жесты в совокупности с указанным объектом действительно выражают истинную или ложную пропозицию.

Но рассмотрим теперь «Некоторые дрессированные тигры существуют». Является ли то же самое верным для слова «существуют» в данном предложении? М-р Рассел пишет: «Мы говорим, что “Люди существуют” или “Человек существует”, если пропозициональная функция “*x* является человеком” иногда истинна»³. Продолжая, он возражает, что, хотя пропозиция «Сократ есть некий человек» является «эквивалентной» пропозиции «Сократ является представителем человеческого рода», она «не является той же самой пропозицией». Со своей стороны я сомневаюсь, что мы когда-либо употребляем «является представителем человеческого рода» таким способом, при котором «Сократ является представителем человеческого рода» эквивалентно «Сократ есть некий человек».

Я думаю, что м-р Рассел употребляет фразу «является представителем человеческого рода» в весьма специфическом смысле, в котором никто, кроме него, её не использовал, и что единственный способ объяснить, как он её употребляет, заключается в том, чтобы сказать, что он употребляет её для выражения того, что мы обычно выражаем с помощью «является человеческим существом». Если это так и если нам позволят провести различие (а я считаю, мы должны его провести) между «люди существуют» и «человек существует» и сказать, что «люди существуют» означает не то, что «“*x* является человеческим существом” верно по крайней мере в одном случае», но то, что «“*x* является человеческим существом”», верно по крайней мере в двух случаях», то я думаю, его доктрина верна, но опять-таки при условии, что нам позволяют рассматривать ту разновидность пропозиций, которые мы выражаем, указывая, например, на объект, который видим, и произнося слова: «Это является человеческим существом», как и пропозиции, которые являются значениями функции «*x* является человеческим существом». Разумеется, выражение «Человеческие существа существуют» может быть истинным, если и только если есть по крайней мере два объекта, такие, что, если бы человек увидел, указал на любой из них и произнёс слова: «Это является человеческим существом», он выразил бы истинную пропозицию посредством того, что он сделал.

Если это верно, мы сразу видим, что употребление «рычат» в «Некоторые дрессированные тигры рычат» отличается от использования «существуют» в «Некоторые дрессированные тигры существуют» в том отношении, что тогда как первое утверждает, что более чем одно значение «*x* является дрессированным тигром и рычит» истинно, второе утверждает не то, что более чем одно значение «*x* является дрессированным тигром и существует» истинно, но только то, что более чем одно значение «*x* является дрессированным тигром» истинно.

В соответствии со своей точкой зрения, что фраза «Некоторые дрессированные тигры существуют» означает то же самое, что и «Некоторые значения пропозициональной функции “*x* является дрессированным тигром” истинны», м-р Рассел пришёл к утверждениям⁴: «Существование, в сущности, является свойством пропозициональной функции», «Пропозициональными

³ *Introduction to Mathematical Philosophy*. P. 171–172.

⁴ *Monist*. 1919. April. P. 195–197.

функциями вы можете утверждать или отрицать существование» и ошибочно переносить «на индивид, выполняющий пропозициональную функцию, предикат, который применяется только к пропозициональной функции». Поэтому, согласно ему, существование при таком употреблении, в конечном счёте, является «свойством» или «предикатом», хотя и не свойством индивидов, но только пропозициональных функций! Я думаю, с его стороны это — ошибка. Даже если верно, что «Дрессированные тигры существуют» означает то же самое, что и «Некоторые значения “х является дрессированным тигром”, истинны», я думаю, отсюда не следует, что мы можем сказать, что слово «существуют» означает то же самое, что и «иногда истинны», а «некоторые дрессированные тигры» то же самое, что и «х является дрессированным тигром». Я думаю, на самом деле ясно, что мы не можем этого сказать, ибо, конечно, «“х является дрессированным тигром” существует» не означает то же самое, что и «Некоторые дрессированные тигры существуют». Я думаю, что из такой интерпретации фразы «Некоторые дрессированные тигры существуют» следует нечто отличное от того, чего придерживается м-р Рассел. А именно, если пропозиция, которую вы выражаете, указывая на то, что видите, и произнося «Это является дрессированным тигром», является «значением» функции «х является дрессированным тигром», тогда, если, указывая на ту же самую вещь, вы должны были бы произнести слова «Это существует» и если бы вы использовали «существует» просто в качестве единственного числа слова «существуют» в том смысле, в котором оно используется в «Некоторые дрессированные тигры существуют», то то, что вы сделали, вообще не будет выражать пропозицию, но будет совершенной бессмыслицей.

Другими словами, между «Некоторые дрессированные тигры рычат» и «Некоторые дрессированные тигры существуют» различие состоит не только в том, что тогда как первое утверждает, что некоторые значения «х является дрессированным тигром и рычит» истинны, второе утверждает только то, что некоторые значения «х является дрессированным тигром», истинны. Есть также дополнительное и более важное различие. Второе выражение утверждает только, что некоторые значения «х является дрессированным тигром» истинны, не потому, что мы иногда используем «Это является дрессированным тигром», подразумевая то же самое, что и «Это является дрессированным тигром и существует», но потому, что, указывая и говоря «Это существует», мы вообще не выражаем пропозицию, пока употребляем «существует» как единственное число интересующего нас слова «существуют», тогда как, указывая и говоря «Это рычит», мы, конечно, выразили бы пропозицию, хотя и использовали «рычит» просто как единственное число слова «рычат» со значением, которое оно имеет в «Некоторые дрессированные тигры рычат». Выражение «Это является дрессированным тигром и существует» будет не тавтологией, но бессмыслицей.

Я думаю, это дает нам вторую верную вещь, которая, возможно, иногда может составлять часть того, что имеют в виду, говоря, что «существуют» при таком употреблении «не обозначает атрибут».

II. До сих пор я интересовался употреблением «существуют» только в предложениях типа «Некоторые дрессированные тигры существуют» и пытался указать на два различия между его использованием и использованием «рычат» в «Некоторые дрессированные тигры рычат», которое, возможно, может быть частью того, что подразумевают, говоря, что «существуют» при таком употреблении «не обозначает атрибут», тогда как «рычат» – обозначает. Но я не могу отделаться от мысли, что есть другие осмысленные употребления «существует». И я хочу, в частности, попытаться указать на два таких, и рассмотреть, что действительно, если вообще что-то можно подразумевать, говоря, что при таких употреблениях «существует» также «не обозначает атрибут».

(1) Я только что сказал, что указывать на вещь, которую вы видите, и говорить: «Это существует», кажется мне бессмысленным, если «существует» – это единственное число слова «существуют» в смысле, в котором оно используется в «Дрессированные тигры существуют». Но я не могу отделаться от мысли, что если осмыслен случай, при котором указывают на нечто и говорят: «Это является дрессированным тигром», то в том или ином смысле осмысленным будет также указать на это и сказать: «Это существует». Моя причина думать так заключается в том, что вы, как мне кажется, можете ясно и истинно сказать о каком-то подобном объекте: «Это могло бы не существовать», «Логически возможно, чтобы это не существовало». И я не вижу, каким образом возможно, чтобы «Это могло бы не существовать» было истинным, если бы не было истинным «Это фактически существует» и, следовательно, слова «Это существует» были осмысленными. Если предложение (а) «Логически возможно, чтобы это не существовало» выражает истинную пропозицию, отсюда, по-видимому, следует, что предложение (b) «Это не существует», где «это» указывает на тот же объект, на который указывается в (а), должно выражать пропозицию, хотя и ложную. А если это так, то предложение «Это существует», выражающее то, что ему противоречит, также должно быть осмысленным, а пропозиция, которую оно выражает, – истинной. Я не могу отделаться от мысли, что в каждом случае, в котором я указываю на воспринимаемый мной объект и осмысленно говорю: «Это является дрессированным тигром», «Это является книгой» и т.п., моя пропозиция фактически является пропозицией о некоторых воспринимаемых мной чувственных данных или о некотором множестве чувственных данных. И часть того, что я говорю, состоит в том, что это чувственное данное (или эти чувственные данные) «относится» к физическому объекту. Другими словами, я говорю о некотором чувственно данном, что оно «относится» к физическому объекту в том смысле, в котором верным будет сказать об остаточном образе, который я наблюдаю, закрыв глаза, что он не «относится» к физическому объекту. Я думаю, что, по крайней мере, часть того, что мы подразумеваем под «Это существует», где мы употребляем «это» тем же способом, как в случае, когда мы указываем и говорим: «Это является книгой», заключается в «Это чувственно данное относится к физическому объекту», что кажется мне определённо осмысленным. Если «относится» обозначает здесь отношение, мы можем сказать, что «Это является книгой» есть

сокращение для «Вещь, к которой “относится” это чувственное данное, является книгой» и, следовательно, «Это существует» есть сокращение для «Вещь, к которой “относится” это чувственно данное, существует». В этом случае рассматриваемое употребление «существует» соответствовало бы тому, что в *Principia Mathematica* символизируется посредством «E!» и здесь нельзя было бы сказать, что существование «обозначает атрибут», по той же причине, что и в случае «существуют», встречающегося в «Некоторые дрессированные тигры существуют». Я не верю, однако, что «относится» здесь действительно обозначает отношение и, следовательно, не верю, что «это» в «Это является книгой» может быть названо сокращением фразы, которую Рассел назвал «определённой дескрипцией». Мне вообще не ясно, истину чего можно подразумевать, говоря, что «существует» при таком употреблении «не обозначает атрибут». Единственное предположение, которое я могу сделать, заключается в следующем. Мне кажется, что «Это существует» (при таком употреблении) всегда образует часть того, что утверждается посредством «Это является книгой», «Это является красным» и т.п., где «это» употребляется таким способом, с которым мы сейчас имеем дело. И, возможно, часть того, что подразумевается, когда говорят, что «является книгой», «является красным» и т.п. «обозначают атрибуты», есть, частично, но не полностью, то, что утверждается какими-либо «значениями» функции « x является книгой», « x является красным» и т.п., есть «Это существует». В данном случае «существует» в «Это существует» не «обозначает атрибут» уже потому, что «Это существует» есть целое, а не просто часть того, что утверждается.

(2) Другая причина, по которой фраза «Это существует», где «это» используется, как в «Это является книгой», кажется мне осмысленной, заключается в том, что мне кажется осмысленно говорить не только о чувственно данном «Это относится к физическому объекту» или «Это не относится к физическому объекту», но также говорить о самом чувственно данном «Это существует». Если это так, то мы имеем дело с новым смыслом слова «существует», поскольку, конечно, ни одна часть значения такого утверждения в отношении чувственно данного не состоит в том, что оно или какое-то другое чувственно данное «относится к физическому объекту». Моя причина считать, что для меня осмысленно сказать, например, об остаточном образе, который я вижу с закрытыми глазами, «Это существует», аналогична причине, которую я привёл в последнем случае. А именно, мне кажется, что в случае каждого чувственно данного, которое кто-либо когда-нибудь воспринимает, рассматриваемый человек всегда мог бы истинно сказать о рассматриваемых чувственно данных: «Это могло не существовать». И я не могу видеть, каким образом это могло бы быть истинным, если бы пропозиция «Это фактически существует» также не была бы истинна, а следовательно, слова «Это существует» – осмысленными. То, что «Это существует» имеет какое-то значение в тех случаях, где, как сказал бы, хотя и ложно, м-р Рассел, мы используем «это» как «имя собственное» того, с чем мы «знакомы», я знаю, является спорным. Я должен признать, оно, по-моему, содержит любопытное следствие: «Это существует», употребляемое таким образом, – всегда истинно, а «Это не существует» – всегда ложно. В пользу этого следствия я

могу сказать (и мне кажется это истинным) лишь то, что в случае каждого имеющегося у меня чувственно данного логически возможно, чтобы рассматриваемое чувственное данное не существовало, чтобы просто такой вещи не было. Если, например, я с закрытыми глазами вижу яркий остаточный образ, то, мне кажется, вполне ясно можно представить, что в этот момент я вместо него мог бы видеть равномерное черное поле, например, такое, которое я часто вижу с закрытыми глазами. И если бы я видел такое поле, то этого отдельного яркого остаточного образа просто не существовало бы.

Но если предположить, что «Это существует» при таком употреблении имеет значение, то почему мы не должны говорить, что «существует» здесь «не обозначает атрибут»? Я не могу предложить причину, по которой мы не должны этого делать, кроме той же, что предложил в последнем случае.